

find each other.

Кризис участия и война: техники безопасности

Станислав Яценко

Станислав Яценко
Кризис участия и война: техники безопасности
04/12/2023

Retrieved on 2023-08-31 from AKRATEIA.

lib.edist.ro

04/12/2023

Одно из главных стремлений техноцентричного этатизма – освободить субъекта от бремени политики и всех тех неудобств, которые несет в себе политическое участие. С этой точки зрения, демократические режимы, в которых сам характер политического действия сведен к участию в простых электоральных процедурах, не слишком отличаются от автократий, где симулятивность этих процедур становится их единственным содержанием. Обывательскому сознанию такой порядок вещей кажется крайне удобным, однако, каковы побочные эффекты этого комфорта? В статье делается попытка схематично, в самых общих чертах наметить как направления анархистской критики деполитизированного общества, так и обозначить некоторые возможные сценарии выхода из его инерций.

Разрушительный характер современной войны требует развитых механизмов сдерживания. Тем не менее, за годы, прошедшие с момента первой ядерной бомбардировки, общество так и не смогло заметно продвинуться в их создании. Более того, после февраля 2022-го г. послевоенная архитектура международной безопасности и сама оказалась под угрозой. С началом российской агрессии против Украины, которая привела к беспрецедентному для Европы количеству жертв и разрушений со времен Второй мировой войны, стало очевидно, что существующие политические механизмы снова дали серьезный сбой и не способны обеспечить безопасность даже в самом её центре. На какие структурные проблемы может указывать разгоревшаяся война? Сыграло ли в ней какую-то роль отсутствие общественного кон-

Способствовать этому могут два условия. Первое – возвращение анархизма как из узких академических кругов, так и из активистского подполья в широкую политическую дискуссию, так как именно анархизм обладает значительным теоретическим базисом и для анализа проблем демократических отношений, и для их налаживания. Наиболее ярко его актуальность проявляется на фоне либерально-демократического дискурса, особенно если речь идет о российской оппозиции, с ее фиксацией на теме коррупции и интересах бизнеса, готовностью укреплять практики представительной системы, а также с ее органической неспособностью распознавать колониальное и гендерное измерения действующей в России машины угнетения.

Второе условие – активное задействование либертарной педагогики, наследие и влияние которой в последние годы вызывает пристальный интерес исследователей и активистов по всему миру. Так как либертарный образовательный процесс не подразумевает навязывания той или иной идеологической схемы, а направлен на развитие критического мышления и сообщения опыта горизонтальной социальности, этот подход может использоваться почти повсеместно, поскольку при условии действительного движения в сторону демократизации запуск подобных образовательных проектов не должен встречать серьезного сопротивления со стороны политических оппонентов из демократического лагеря, а в долгосрочной перспективе именно либертарная педагогика может сыграть значительную роль в формировании новой политической культуры.

троля? И если да, то какие традиции политической мысли готовы предложить сценарии преодоления этого кризиса участия?

Баланс представительной демократии и развитой капиталистической экономики, определивший образ послевоенного Запада, казалось, не оставил сторонникам авторитаризма никакого шанса на реванш, а распад СССР и завершение Холодной войны на долгие годы сняли угрозу ядерной войны с актуальной повестки. Тем не менее, в мире не стало меньше авторитарных режимов. Так, после разрушительных рыночных реформ и короткого периода перераспределения власти (который многие до сих пор опрометчиво называют демократическим) на месте Советского Союза выросла новая диктатура.

Трудно не согласиться с тем, что западные общества смогли выработать некоторый иммунитет против тоталитаризма. Вместе с тем, они все же оказались неспособны должным образом отреагировать на тревожные сигналы, исходившие из страны, обладающей огромным ядерным потенциалом. Ни для кого не секрет, что европейская политическая стабильность на тот момент находилась в сильной зависимости от поставок российских углеводородов. Вполне закономерно, что озабоченные своими рейтингами политики не решились поставить под удар свою карьеру, приняв радикальные (а не косметические) меры после аннексии Крыма – прямого вызова сложившимся принципам международного права.

Ситуацию могли бы изменить рядовые граждане, имеющие, согласно имиджу европейских демократий, действенные рычаги воздействия на политические решения. Но этого не случилось. Напротив, многие европейцы выразили недовольство ухудшением перспектив

экономического роста в связи с введением санкций ещё в 2014-м г., то есть на внешнеполитический вызов часть европейского электората отреагировала исключительно в терминах экономики, но не политики.

Конечно, было бы ошибкой перекладывать ответственность за становление авторитаризма в России на европейцев или американцев. Российский обыватель, променявший политические свободы на относительную экономическую стабильность – один из главных виновников провала едва обозначившегося демократического проекта. Тем не менее, в обоих случаях трудно не заметить значительную деполитизацию гражданского праксиса. Это верно и для россиян, не желавших протестовать в те годы, пока это еще было возможно, и для европейцев, готовых к протестам лишь тогда, когда речь шла об экономических вопросах или правах отдельных групп, что, конечно же, составляло позитивный момент, но не меняло общей картины.

Если деполитизация – явное условие, сделавшее возможным соскальзывание человечества к состоянию войны, угрожающей перерасти в ядерную, то один из наиболее продуктивных исследовательских инструментов – анархическая оптика, с самого начала настроенная на регистрацию политической десубъективации, и расположенная в метапозиции по отношению как к идеологизированным режимам, наподобие российского, так и к западному неолиберализму и его дискурсам, безальтернативно представленным в российской оппозиционной среде.

С анархистской точки зрения, деполитизация – результат утверждения представительной демократии в качестве единственной прогрессивной альтернативы авторитарным режимам. Представительные системы идеально вписались в технократический проект раци-

Поскольку мощный репрессивный аппарат государства чаще всего не позволяет сделать это с помощью единого революционного усилия, основная тактика многих анархистов была направлена на снижение возможностей его самовоспроизводства.

Неслучайно в революционном арсенале анархистов существенную роль играла либертарная педагогика – важнейшее изобретение анархического праксиса, которое органично соединяет в себе прямое действие и теоретическое осмысление отношений субъекта и свободы. Либертарная концепция образования основной упор делает на развитии индивидуальности учащихся, их способности к критическому мышлению, которые становятся результатом не только правильно подобранного материала, но также и самой структуры отношений. Краеугольный камень либертарной педагогики – самоуправление. Участие в работе ассамблей дает учащимся опыт деятельной, позитивной свободы, связанной с умением совершать выбор и принимать его последствия в сложной динамике социальных взаимодействий. Развитие привычки к позитивной свободе приводит и к осознанию ценности свободы негативной – свободы от принуждения. Так, либертарная педагогика может стать важным инструментом политической ресубъективации, тем более что ее принципы применимы не только в контексте школьного, но также среднего и высшего образования.

Сейчас остается все меньше сомнений, что возможность выхода из инерции века катастроф лежит в формировании устойчивого общественного запроса на возвращение политической субъектности, поскольку мир, в основе которого лежат идеалы деполитизированного обывателя – не только безобразен и пуст, но и опасен.

представить себе иное развитие событий. Благополучие, погружившее в блаженный сон как Первый мир, так и привилегированные классы миров, его обслуживающих, долгое время создавало иллюзию, будто экологический и миграционный кризисы, реставрация авторитаризма на постсоветском пространстве – проблемы, от которых можно легко отмахнуться (или откупиться). Однако развязанная Россией война, напоминающая и по содержанию, и по форме кошмарный флешбэк Второй мировой, похоже, обнажает опасное свойство нашей эпохи – не сменяться следующей, а постоянно перезагружаться. Деполитизированный субъект – точка соскальзывания в прошлое, гарант сохранения мира в инерции XX века и его катастроф – тоталитаризма, геноцида и ядерных атак. Если после завершения войны человечество не осознает необходимость глубокого пересмотра существующих концепции общественного блага, то новая тирания, а с ней и война, не заставят себя ждать. На сей раз она вполне может возникнуть и в Первом мире, поскольку деполитизированный субъект – прекрасная сцена для пропагандистских спектаклей.

Так как анархизм связывает многие проявления социального зла с любыми (а не только экономическими) формами отчуждения человека от его собственной жизни, он вновь оказывается актуален, не только как корпус дискурсов и методов анализа реальности, но и как средство ее изменения. Анархистский праксис нацелен не на государство, а на общество, так как в отличие от сторонников теории общественного договора признает его политическую акторность базовой по отношению к государственным структурам. Сильная государственная власть – помеха росту коллективного самосознания и самоорганизации, поэтому вопрос состоит не в обустройстве ее институтов, а упразднении как таковой.

онализации общественных отношений, когда принцип разделения труда перекинулся на все сферы общественной жизни. Субъект, произведенный таким порядком вещей – обыватель, чье бытие было направлено в русло узкой профессиональной специализации, а гражданское участие свелось к электоральным ритуалам, ведь политика – «не его поле компетенции».

Устранение политического действия из повседневности создало и еще один эффект – сужение зоны личной ответственности. Фактически, именно так и была подготовлена почва для совершения многих масштабных преступлений XX века: преступная по своей сути задача, наподобие строительства лагерей смерти, разбивалась на множество мелких промежуточных действий. Всякий, кто хотел распознать их действительный смысл, должен был мысленно воссоздать образ целого, которому они принадлежат. Как правило, такая операция не под силу деполитизированному сознанию, поэтому руками «добропорядочных» граждан, далёких от любого «радикализма», нацисты легко смогли уничтожить миллионы человек. Оказалось, для этого достаточно лишь правильно сформулировать техзадание. Погружение общества в состояние «моральной слепоты» (в терминах З.Баумана) предопределяет успешность пропаганды, а также компенсирует ее недостатки. Кроме того, на её фоне заинтересованным силам легко приступить к демонтажу демократии как таковой.

Другая важная черта современности, способствующая деполитизации общества, – потребление. Если принцип существования капитала – постоянный рост, то задача экономики, подчиненной этому принципу, заключается не в удовлетворении потребностей, но в их создании. Желание потребителя – залог ее исправной работы, поэтому значительные усилия маркетинговых

специалистов тратятся на захват внимания индивида, у которого с момента утверждения развитой капиталистической экономики осталось фактически лишь две основные роли – источника прибавочной стоимости и потребителя. Постепенное сглаживание классовых противоречий в странах Первого мира существенно способствовало усилению роли потребителя, а повсеместная дигитализация (создавшая эффективные инструменты вроде нейромаркетинга), усугубила ситуацию, фактически стерев грань между производством и потреблением. Так рынок всецело захватил воображение и желание – инстанции, столь необходимые для собственно политического мышления. Лозунг «Вся власть воображению», выдвинутый в мае 1968-го – последнего отчетливо политического выступления – за последние пятьдесят лет оказался успешно нейтрализован. Редукции индивида к «homo economicus» в странах Первого мира способствовали, как ни странно, и системные левые из числа марксистов, поскольку в своей основе марксизм – экономически фундированное учение, сводящее политику к решению вопроса о контроле над средствами производства и последующего их администрирования госаппаратом от имени трудящихся. Не имея возможности реализовать основу своей политической программы, подразумевавшей установление диктатуры пролетариата, те европейские социалисты марксистского толка, которые были ориентированы на действие, либо встроились в политический мейнстрим, ограничив поле борьбы вопросами экономического благополучия рабочего класса, либо пополнили ряды вооруженных радикалов (RAF, «красные бригады»), фактически потеряв всякое влияние в долгосрочной перспективе.

Ещё один фактор деполитизации – катастрофический опыт XX века, связанный с попыткой реализации и столкновением двух модернистских проектов, который наложил запрет на любые прогрессивные формы политической мысли. Привлекательность левого движения в глазах западного сообщества существенно снижал марксистский консенсус, связанный с замалчиванием проблемы ГУЛАГа и партийной диктатуры.

О том, какую роль в деполитизации российского общества сыграл большевизм, говорить будто бы излишне, тем не менее, большая часть критики, главным образом, со стороны правых и центристов, довольно редко касается двух принципиальных моментов: во-первых, физическое устранение сторонников низовой горизонтальной саморганизации – анархистов – началось гораздо раньше, чем принято считать, уже в 1918-м г., а во-вторых, реальная власть советов, сложившаяся до октябрьского переворота, была в скором времени свернута самими большевиками (несмотря на известный лозунг).

Уничтожение политического субъекта и его замена послушной массой – основа «советского» государства, предопределившая и ГУЛАГ, и многие годы целенаправленной политической десубъективации населения. И если деполитизация в западных обществах происходила постепенно, на стыке экономического роста, общего разочарования политическим волюнтаризмом и закрепления отчуждающих представительных институтов, то в СССР многолетнее подавление политической воли народа и товарный дефицит предсказуемо сделали потребление единственным отчетливо различимым смысловым содержанием – как перестроечного периода, так и путинской эпохи.

Впрочем, учитывая, что потребление стало смыслообразующей практикой и в мировом масштабе, трудно